

Невыносимая гнусность бытия

В прокат выходит самый беспощадный фильм Киры Муратовой – «Чеховские мотивы»

Екатерина Барабаш

До чего же любили критики поспорить о степени человеколюбия Киры Муратовой! Вот тебе нежнейшие «Долгие проводы», а вот тебе – «Три истории». Кто-то до иступления доказывал, что большего мизантропа во всем мировом кинематографе не найти, кто-то соглашался, но уточнял, что зато Муратова любит лошадей, кто-то считал и считает ее суровым правдолюбом-воспитателем, который бьет наотмашь, зло, не жалея: а вдруг поможет. Все это не имеет к Кире Муратовой никакого отношения. Ее можно принимать или не принимать. Третьего пути – «это талантливо, но...» или «ее, конечно, заносит, но...» нет. Никакие «но» не проходят. Впрочем, о человеколюбии Муратовой либо отсутствии такового спорили до момента выхода ее картины «Второстепенные люди», мгновенно записавшей режиссера в разряд гуманистов. Зашкаливающая абсурдность жизни была разворочена ею нежно и осторожно, как муравейник рукой юнната, а потом рассмотрена через микроскоп – тоже внимательно и нежно. Все блохи, микробы и прочая гадость копошились под носом, но отвращения не вызывала, а даже наоборот – умиление. Не успев создать себе репутацию режиссера-гуманиста, Кира Георгиевна поспешила ее опровергнуть. «Чеховские мотивы», снятые ею по малоизвестной пьесе Чехова «Татьяна Репина», опять делают предметом изучения тех же самых блох и гнусов человеческой натуры. Вот только нежности заметно поубавилось. Сказать точнее – то, что еще вчера Муратова готова была принять как простительные человеческие слабости, сегодня она готова выставить основанием чуть ли не для смертного приговора.

Новый фильм населен людьми столь же потусторонними, сколь и узнаваемыми. Художественные приемы – все те же, муратовские, – по десять раз повто-

Режиссера Киру Муратову можно принимать или не принимать. Третьего не дано.

ряемая персонажем одна и та же фраза, возводящая и без того самодовлеющую абсурдность в куб. И герои словно сидят, сгрудившись, в этом кубе, из которого нет выхода. В сельской церкви венчается новый русский (Жан Даниэль) с богатой невестой (Наталья Бузько). Неожиданно под сводами храма появляется закутанная в цветастое полотно странная женщина, которая со стоном бродит по церкви. В «прекрасной даме» жених узнает брошенную и покончившую с собой его бывшую невесту Таню Репину. Странное происшествие становится предметом обсуждения многочисленными гостями тут же, в церкви, во время венчания. Собственно, на этой длинной сцене (хотя в фильме есть еще сюжетные линии – например, рассорившийся с отцом и решивший начать самостоя-

тельную жизнь студент а ля Петь Трофимов (Филипп Панов), который тоже, кстати, волею судьбы оказывается на венчании) фильм и держится. Мешанина времен, эпох, мод – тут и шляпы со страусовыми перьями на отвратительном черепе пьяной старухи, и широкий ошейник на извивающейся шее скабрезной нимфоманки, и белые фраки на жирных телах, и льяльные лохмотья. Все побывало тут... Гоголевское скопище монстров – свиные рыла вместо лиц. Не зря в кадре то и дело появляются хрюшки – крупным планом, смачно. Прием избитый, как нос боксера. Но настоящий талант отличается от ненастоящего в том числе и полной необязанью банальностей. Действительно, что может быть банальней свиней, символизирующих все скотское, чем наградили

нас Господь? Но, похоже, Муратовой плевать, что скажут, – ее, как давно известно, меньше всего волнует чье-то мнение. И парадоксальным образом даже самая банальнейшая банальность вдруг становится у Муратовой оправданным художественным приемом. Муратовские свиньи благороднее и благовиднее людей – у последних вся мерзость облечена в слова, в поступки, идиотские, ненужные, бессмысленные, кощунственные. На кухне двенадцатилетняя девчонка ничтоже сумняшеся опрокидывает в себя пару стопок водки и с тупой напористостью пристает к брату, манерно описывая тому сцену его скорой смерти. А в церкви толстый жених, не слушая священника, спорит с шафером: «Ты давишь мне венцом на голову!» – «Я даже не дотрагиваюсь!» – «Нет, давишь!» – «Не дави!» – «Давишь!» – и так до бесконечности, пока камера не отъезжает к другим таким же убогим и бессмысленным. В «Чеховских мотивах» Муратова отстранена от своих героев как никогда. Она их не презирает, не осуждает, не жалеет, не ненавидит. Она их просто видит. Этого достаточно.

От фильма физически тяжело, от него дурно пахнет – смрадно, безнадежно, густо. Здесь смешались литры пота и духов, дорогого виски и паленой водки, килограммы пустых слов и тонны незамоленных грехов. Фильм без меры, без прощения и без оправданий.

Кстати, о Чехове. Поначалу кажется, что целые куски из чеховских текстов есть, а мотивами и не пахнет. Но Чехов – писатель загадочный, до конца не понятый. И, кстати, уж кто-кто, а Антон Павлович лошадей-то уж точно больше людей любил. Интеллигент в пенсне, писавший уморительные рассказы и тревожно-грустные пьесы, бывал ох как жесток, ох до чего беспощаден. Может, Муратова и попыталась раскрыть нам настоящего Чехова?